

Журнал
Выпуск №1

в поисках смыслов

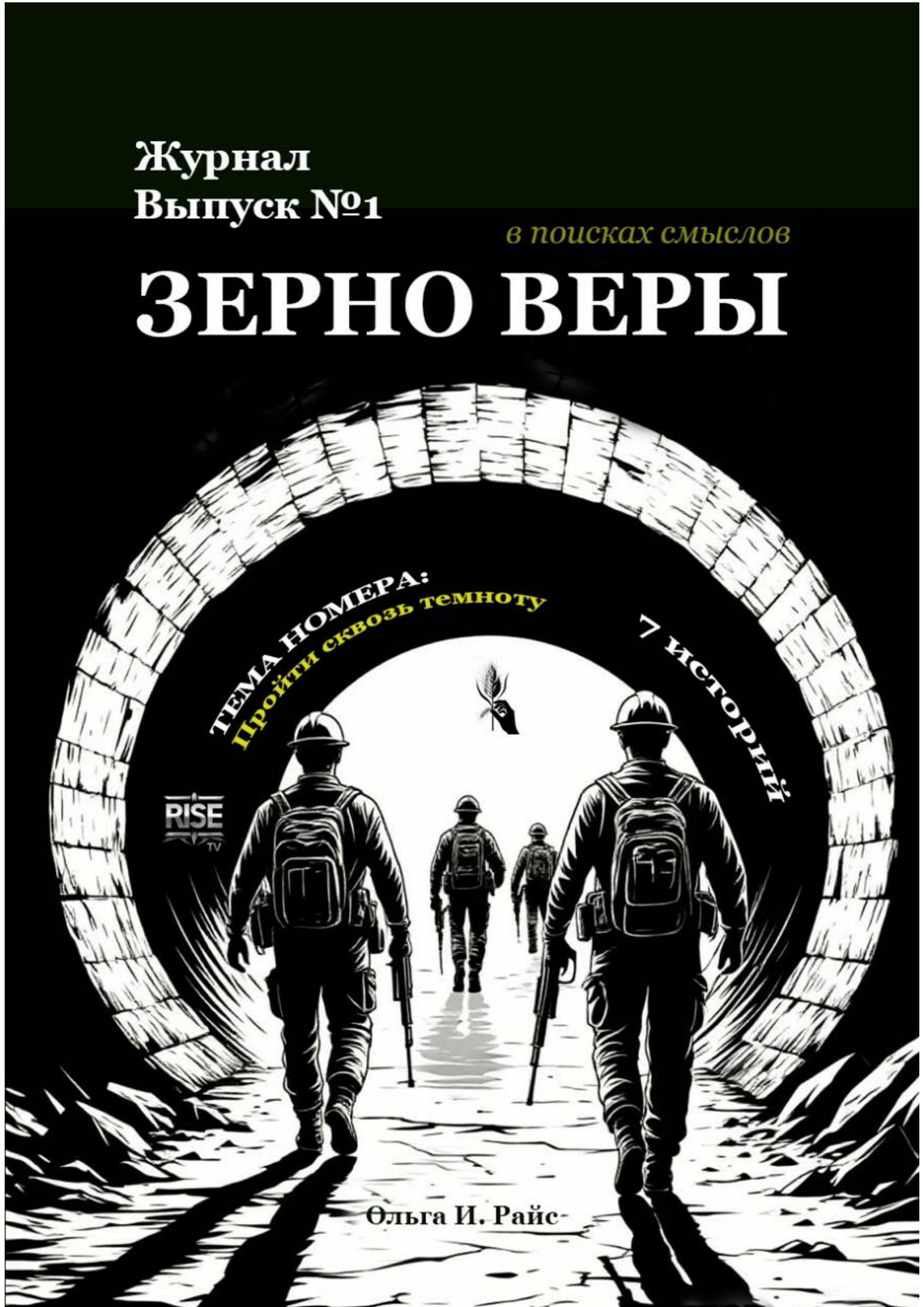
ЗЕРНО ВЕРЫ

ТЕМА НОМЕРА:
Пройти сквозь темноту

7 историй

RISE
TV

Ольга И. Райс

Ольга Райс

Зерно веры

«Автор»

2026

Райс О.

Зерно веры / О. Райс — «Автор», 2026

Иногда молчание говорит громче крика. «Зерно веры» — сборник именно о такой тишине. О людях, которых судьба зажала в угол: блокадный подвал, газовая труба под обстрелом, лесополоса, больничная палата, своя же обида. Они сомневались, ошибались, молчали, когда нужно было кричать, и кричали, когда следовало молчать. Но в решающий миг каждый из них перестал прятаться от тишины — и разглядел в ней опору. Три главы — «Жертва», «Прощение», «Спасение» — проведут вас через тьму к свету. Это не проповедь. Это разговор о зерне, которое есть в каждом из нас. Прочитав, вы уже не будете прежним.

© Райс О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вместо введения	5
Раздел первый	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Зерно веры

Вместо введения

Дорогой читатель!

Я не знаю, где и когда вы откроете этот номер. Может быть, вы устали так, что уже не замечаете усталости. А может — давно ни с кем не говорили по-настоящему, по душам. Или просто листаете страницы, чтобы ненадолго отвлечься.

Этот выпуск мы назвали «Зерно веры». Потому что вера — как зерно: попав в сердце, либо погибает, либо прорастает.

В историях этого номера — люди, которых жизнь загнала в тесные обстоятельства: блокадный подвал, газовая труба, лесополоса под обстрелом, больничная палата, собственная обида. Они не святые. Они боялись, ошибались, молчали, когда нужно было говорить, и говорили, когда лучше было молчать. Но в какой-то момент каждый из них перестал убегать от тишины — и услышал в ней то, что стало опорой и смыслом.

Мы не обещаем чудес. Но если после последней страницы вы почувствуете, что внутри что-то дрогнуло и потянулось к свету, как зерно, почувствовавшее весну, — значит, этот разговор состоялся. И он не закончится на последней странице.

Приятного вам чтения.

С уважением,
Ольга И. Райс

Раздел первый

ЖЕРТВА

Они отдавали себя, чтобы жили другие. Не ради славы. Не ради памяти. Просто потому, что иначе было нельзя. Потому что если не я — то кто? Если не сейчас — то когда?

ЗЕРНО ВЕРЫ

Ленинград, ВИР. Самая холодная ночь января 1944 года.

Полуподвал. Бетонные стены. На стеллажах в три яруса — холщовые мешочки с бирками. Овёс «Победа». Ячмень «Северный». Просо сарептское. Сотни образцов пшеницы. Отдельно, у торцевой стены — подвой абрикоса и черешни, завёрнутый в вощённую бумагу. И «Северная заря» — сорт озимой, который он выводил пятнадцать лет.

Мешочки лежали плотно, один к одному, как спящие дети в обозе.

Термометр на внутренней стене показывал минус одиннадцать. На улице — под тридцать. В углу подвала буржуйка дышала умирающим теплом. Рядом, на кирпиче — жестяная банка с топлёным маслом, в ней — скрученный из бинта фитиль. Света он почти не давал, только обозначал границы темноты.

Топил он не для себя. Себя давно списал. Топил, чтобы не дать стенам промёрзнуть насквозь, не пустить иней к мешочкам.

Селекционер, сотрудник Вавилова по довоенному набору, сидел на фанерном ящике. Поверх колен — изодранный плед. Пальцы — серые, с восковой каймой у ногтей. Он смотрел на мешочки с зерном и чувствовал голод. Но голод был давно уже не желанием. Это была боль, обернувшаяся внутрь колючей спиралью, медленно стягивающая внутренности к позвоночнику.

Если буржуйка погаснет — к утру на мешочках выступит иней. При перепаде температуры зародыши лопнут. Он знал это точно, как таблицу Менделеева или норму высева на гектар.

А топить подвал нечем. Дрова кончились. Табуреты — тоже, вместе с ящиками из-под приборов. Сегодня пришёл черёд книг.

Он протянул руку к стопке — не глядя, на ощупь. «Труды по прикладной ботанике». Кожанный переплёт, уголки потёрты до картона. Купил в букинистическом на Литейном — молодой ассистент, первая зарплата. Открыл дверцу буржуйки. Бросил. Угли мигнули красным. Переплёт занялся не сразу — пошёл дымом. Потом вспыхнул. Пламяхватило из темноты бирки — почерк его, довоенный.

Следом ушла «Селекция полевых культур» с дарственной надписью Вавилова: «За верность земле и правде». Потом — дневник селекции. Таблицы, колосья акварелью, записи на полях. Рвал страницы, не глядя на текст, скармливал огню. Бумага сворачивалась в трубки, улетала в трубу серым пеплом.

Плечи у него один раз дрогнули — и остановились.

Теперь осталась одна книга. На верхней полке в углу. Тяжёлый том в чёрном переплёте. Библия. Не открывал ни разу. Откуда она там — не знал. Взял книгу в руки. Взвесил. Минут пять-семь тепла, если рвать постранично. В подвале минус одиннадцать. Он уже поднёс книгу к огню.

И остановился. Не из-за страха. Его уже давно не было.

Положил Библию на колени. Открыл наугад. Огонёк фитиля дёрнулся и выхватил несколько строк — Иоанн, 12: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода».

Перечитал трижды. Потом закрыл глаза. «Так вот, кто ты! — подумал он. — Зерно».

Бережно отложил Библию. Жечь не стал. Не смог. Холод лез от стен. Огонь догорал. Он сидел на ящике, сунув руки под мышки. Только ровное, редкое дыхание — он экономил и его.

Около четырёх утра, когда холод стал уже не снаружи, а внутри — в груди, в костях рук — он вдруг отчётливо понял, что до рассвета не дотянет. Организм сдавал рубеж за рубежом, отступая к последнему бастиону — сердцу.

Снял с себя пальто, укрыл им мешочки с «Северной зарёй», а сам привалился спиной к стеллажу и обнял один из них. Пальто не грело, но это последнее, что он мог отдать. И закрыл глаза.

Вскоре стало тепло. Это был обман умирающего тела, но он принял его, потому что вместе с теплом пришёл свет. Он увидел поле — бескрайнее, до горизонта, и колосья стояли стеной, золотые, тяжёлые, и ветер гнал по ним волны, как по морю. Он шёл босиком, молодой, и земля была мягкой, прогретой солнцем, и мать стояла на краю поля, махала платком, и он хотел подойти, но знал, что ещё успеется. Сейчас важно было другое. Земля ждала зерна. И он лёг в неё, как ложились до него миллиарды зёрен, миллиарды людей, и последней мыслью было тихое, спокойное: «если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода».

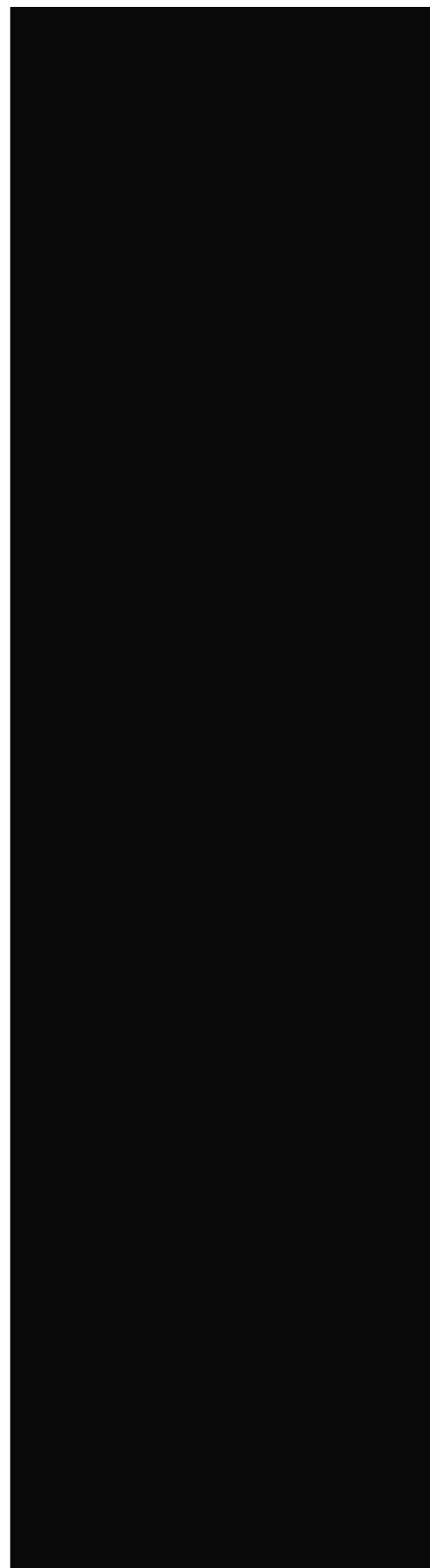
Утром его тело нашла смена — лаборантка. Он так и сидел, привалившись к стеллажу. Закоченевшие руки всё ещё обнимали укутанный в пальто мешочек. Рядом на полу — раскрытая Библия.

Она не заплакала — сил уже не было. Посмотрела на термометр. Минус десять. Перевела взгляд на мешочки — сухие, без инея. Постояла. Потом вышла. В журнале наблюдений за 22 января осталась запись: «Температура в подвале: -10°C . Образцы живы».

Похоронили его через неделю, в братской могиле на Пискарьевском. Через три месяца, в апреле, первые зелёные шильца пробили оттаявшую землю опытного участка. Никто не знал фамилию селекционера. Записей не осталось.

Но зерно окрепло и дало свои всходы.

**«Так вот, кто ты! —
подумал он.
— Зерно».**

ТРУБА

Суджа, март 2025

— Суджа должна быть освобождена через две недели.

Захаров смотрел в карту. Узкий выступ, который противник превратил в крепость. Минные поля, артиллерия, дроны. Дороги перекрыты. Мосты взорваны. Фланги — болота.

— Это невыполнимо.

Генерал не оборачиваясь: — Найди способ. Это приказ.

Захаров сжал в руке стакан с остывшим чаем. Стекло хрустнуло. Жидкость потекла по пальцам, смешалась с кровью. Осколок вошёл у основания большого пальца. Захаров разжал ладонь. На столе — лужа, бурые пятна, битое стекло.

Генерал мельком глянул: — Перевяжи. И вызови инженера.

После совещания Захаров пошёл пешком через разбитый посёлок. Под ногами хрустело стекло. Сел на лавку у сгоревшего дома. Достал сигарету. Не закурил. Повертел. В голове — карта. От Большого Солдатского — через поля, леса, овраги — к окраинам Суджи.

Потёр лицо здоровой ладонью. Двое суток без сна. Вспомнил, как сержант-афганец рассказывал про кяризы — древние подземные каналы для воды. Как душманы уходили по ним от погони и появлялись в тылу, где их не ждали. Вспомнил Грозный: штурмовые группы пробирались в центр города по канализационным трубам, выходили из люков прямо в тыл боевиков. Это ломало оборону.

Вернулся в штаб. На столе — нетронутая кружка с чаем. На карте линия фронта, вспухшая как вена. Смотрел до рези в глазах. Все дороги перекрыты. Кроме одной.

— Газовая труба, — произнёс он, не узнав собственного голоса. Поднял трубку: — Инженера и начальника разведки.

Инженер — мужчина лет пятидесяти, с желтоватыми белками глаз и грязными манжетами на рукавах — смотрел на карту. Снял очки, протёр их краем рукава, снова надел. Палец с чёрной каймой под ногтем провёл по синей линии, как по живому.

— Теоретически — да. Но там всё равно метан. Даже после стравливания. — Точнее. — Нужны изолирующие аппараты. Баллоны. Если что-то не так — смерть. — Шансы?

Инженер пожал плечами:

— Стандартный ИП-4 даёт два часа при лёгкой нагрузке, — инженер почесал переносицу. — В трубе идти придётся пригнувшись, расход выше. Если взять по два баллона на человека и редукторы с экономным режимом — хватит впритык. Плюс резервный на группу. Но менять баллон в трубе — это минута без воздуха в маске. Рискованно.

— Значит, научишь менять.

Первую группу Захаров отбирал сам.

Лейтенант Дмитрий Соколов. Двадцать три года. Воевал с первого дня. Когда предложили идти в трубу, согласился сразу. Не из героизма. Просто в трубе не надо было думать. А мысли жрали, как ржавчина.

В группе, кроме Дмитрия, оказались сержант Савельев — бывалый, с лицом, изрезанным морщинами; Сашка Рябов, девятнадцать лет, крупные руки, до войны работал плиточником; и Магомед — молчаливый дагестанец, сапёр, почти не говоривший по-русски, но улыбающийся так, что становилось теплее. Пошёл, потому что «надо». И всё. Он не боялся смерти. Смерть уже не казалась чем-то запредельным — она стала частью жизни, как сгоревшие дома и разбитые дороги.

Пятым шёл связист — тихий парень из Подмосковья, позывной «Крот». Нёс на себе рацию и три запасные батареи. Почти не разговаривал.

Каждому выдали по два баллона сжатого кислорода, соединённых тройником с редуктором. Плюс один запасной на всех — маленький, на крайний случай. Общий вес снаряжения с учётом брони и оружия перевалил за сорок килограммов.

Магомед, осмотрев крепления, молча поправил лямку у Сашки — у того всё сползло набок.

Ночь перед выходом.

Никто не спал. Сашка сжимал кусок плитки с первой стройки. Амулет. Савельев смотрел фото сына. Магомед перебирал чётки. Дмитрий лежал, глядя в потолок. Крот складывал вещи — тщательно свёрнутый тёплый свитер — как будто это могло пригодиться в трубе.

Захаров тоже не спал. Открыл ящик стола, достал старую фотографию. Мальчишка лет семи, смеётся, без двух передних зубов. Его сын. Погиб два года назад — пошёл в ополчение, не спросив отца. Сгорел в танке. Захаров не позволял себе думать о нём на службе. Но сейчас, в тишине перед отправкой, достал. Провёл по щеке. И сунул фотографию обратно в ящик.

Встал, подошёл к окну. За стеклом — чернота.

Стоял молча, сжимая край подоконника, пока костяшки не побелели. Губы едва шевелились, но он не произнёс ни слова. Только смотрел в темноту, и где-то глубоко внутри, как ток, билась одна мысль: только бы вышли. Только бы вышли.

Пять утра.

Перед входом в трубу Савельев чуть помедлил. Сжал ремень автомата.

Внутри трубы темно. Не просто отсутствие света — а плотная, вязкая субстанция, которую приходилось раздвигать плечами. Свет налобного фонаря выхватывал покатые стены, лужи конденсата, обрывки изоляции. Савельев шагнул первым. Дмитрий шёл вторым. За ним — Магомед, позади — Сашка, замыкал «Крот». Крот слышал, как парень дышит — часто, рвано, с присвистом.

Первый час был самым тяжёлым. Ныли колени. Пот заливал глаза, шлем-маска давила на переносицу. Кислород из баллона шёл сухой, от него першило в горле. Собственное дыхание в маске звучало, как хриплый насос. Капли конденсата падали на воротник, текли за шиворот — ледяные, противные. Бронежилет натирал спину, каждый шаг отдавал в позвоночник тупой болью.

Ребята считали шаги. Дышали через раз. Короткий вдох, пауза, выдох.

На третьем километре позади раздался глухой удар. Звук покатился по трубе, как по пустой бочке. Все замерли.

— Тихо! — прошептал Савельев, прислонившись спиной к стене.

Минуту стояли, слушая, как стихает эхо. Сверху — несколько метров земли. Труба глушила звук, но не настолько, чтобы враг не услышал, если бы пошёл по поверхности.

Когда всё стихло, двинулись дальше.

К четвёртому километру у Дмитрия появилась тошнота. Сначала лёгкая, как после недосыпа, потом — волнами, выше. В горле сухо, язык будто покрылся коростой. Темнота давила на глаза, перед ними вспыхивали цветные пятна — то багровые, то зеленоватые. Он моргал, но пятна не исчезали. Казалось, труба сужается, стенки медленно сдвигаются, чтобы раздавить его. Он знал, что это галлюцинация, но тело отказывалось подчиняться разуму. Пот катился по вискам, щипал кожу.

Пятый километр.

У Сашки начались судороги. Рухнул на колени, забился. Цепочка встала. Савельев перевернул парня на бок. Магомед держал ноги. Дмитрий дал резервный баллон. Сашка хватал воздух, его вырвало прямо в маску. Он закашлялся, задёргался.

— Жить будешь.

Сашка кивнул, втягивая кислород. Пальцы дрожали.

Дмитрий сидел на корточках, уткнувшись лбом в колени. Голова кружилась. Хотелось сорвать маску и вдохнуть хоть какого-нибудь воздуха, пусть отравленного, только бы без этой рези в лёгких. Он сдерживался, вцепившись пальцами в лямки разгрузки. Неосознанно прижал ладонь к груди, туда, где под бушлатом лежал крестик. Пальцы сжали металл через ткань. Боль от впившегося края была отвлекающей. Он не достал его. Просто держал.

Магомед тронул его за плечо: — Да нормально всё. За маской блеснули зубы. — Брат у меня был. Тоже боялся темноты. Пел ему. Теперь брата нет, а песня осталась.

Дмитрий не нашёл слов.

— Идём дальше, — скомандовал Савельев. — Приглядывайте за ним. Дмитрий помог Сашке сесть. Тот смотрел в пол. — Слышишь? — Слышу. — Встаём. Медленно.

Сашку шатало, но он держался. Цепочка снова вытянулась в темноте.

После пятого километра Дмитрий перестал чувствовать ноги ниже колен. Бронежилет вгрызлся в плечи, лямки разгрузки натёрли ключицы до крови. Каждый вдох давался с усилием, как будто в груди сидел ёж. Спина горела от постоянного полуприседа: идти в полный рост не позволяла труба, а согнувшись — убивало поясницу. Они экономили силы, делая короткие остановки каждые километр-полтора, но даже стоять было мучительно.

Метрах в пяти, раздался резкий металлический лязг. Все застыли на полушаге. Труба — идеальный резонатор — донесла звук откуда-то снаружи: кто-то бил по металлу, с интервалом в пару секунд. Удары приближались. Дмитрий спиной почувствовал, как напрягся позади Сашка. Тот замер, неестественно выгнувшись, но не издал ни звука. Магомед выключил фонарь, и тьма сомкнулась вокруг.

Снаружи по трубе провели чем-то твёрдым — долгий, скрежещущий звук прошёл по позвоночнику, как ножом. Потом всё стихло. Тишина сделалась абсолютной — было слышно, как у кого-то в маске щёлкает клапан вдоха.

Только через минуту Савельев скомандовал: — Пошли. Тихо.

И они пошли, ступая так, будто под ногами был не металл, а тонкий лёд.

На восьмом километре Сашка сломался. Остановился. Прижался лбом к холодному металлу. Плечи ходили ходуном, дыхание срывалось с присвистом, как пробитое колесо. Забрало запотело. Он задыхался — не от недостатка кислорода, а от паники.

Дмитрий обернулся, насколько позволяла труба. Но вместо того чтобы заплакать или закричать, Сашка вдруг начал смеяться. Истерично, захлёбываясь воздухом. Смех этот был страшнее крика — он бился о ржавые стенки и возвращался, множась, как будто труба сама хохотала над ними.

Потом смех оборвался, и Сашка начал биться головой о трубу. Глухие удары.

По спине пробежал озноб.

Внутри у Дмитрия вспыхнула злость. Дикая, бешеная. Ему хотелось ударить парня, чтобы тот заткнулся, чтобы этот жуткий смех не свёл всех с ума. «Зачем ты пошёл сюда, щенок? — билось в голове. — Зачем? Мы все сдохнем здесь, в этой кишке». Он хотел закричать это вслух. Но вместо крика из горла вырвался только хрип.

И тогда он сдался. Не перед врагом. Перед самим собой. Он стал просто тем, кто хочет выйти к свету. Крепче сжал нательный крест. Зажмурил глаза и снова открыл.

— Сашка, посмотри на меня, - сказал он спокойно.

Парень не реагировал. Дмитрий снял перчатку, взял его за руку. Сашка вцепился, ногти впились в ладонь.

— Рябов! Мы прошли больше половины. Осталось немного. Сашка перестал биться. Замер, тяжело дыша. — Мы выйдем. Я знаю. Мы выйдем вместе. Сашка кивнул. И они двинулись дальше.

На одиннадцатом километре впереди забрезжил серый свет. — Выход! — выдохнул кто-то.

Дмитрий выполз из трубы, сорвал маску. Свет резанул глаза. Зажмурился. Вдохнул полной грудью. Воздух живой — прель, дым, земля. Дышал жадно, слёзы текли.

Остальные выползали по одному, тоже хватая ртом сырой мартовский воздух. Свет резал глаза даже сквозь веки. Сашка упал на четвереньки, его вырвало желчью. Рядом Савельев сидел на корточках, раскачиваясь и прижимая ладони к лицу. Дышал так, будто лёгкие превратились в рваные мешки. Только Магомед, пошатываясь, отошёл в сторону, к голому кусту, и долго смотрел на серое небо. Потом он опустил на колени. Не упал — именно опустил, ровно, с достоинством. И начал молиться. Тихо, на своём языке — гортанном, рвущемся из горла. Это была молитва человека, который был в аду и вышел к свету.

Остальные замерли. Сашка перестал кашлять. Поднял голову. Савельев медленно выпрямился. Молитва заполняла пространство, как вода заполняет сосуд, — без остатка, без пустот.

Магомед замолчал. Тишина казалась оглушительной. Он поднялся с колен, отряхнул ладони, посмотрел на небо и сказал по-русски, с мягким акцентом:

— Теперь можно.

Дмитрий впервые перекрестился не механически, не по привычке, а осознанно — медленно, чувствуя, как пальцы касаются лба, груди, плеч. Сашка смотрел на них. Глаза его, ещё недавно полные паники, стали ясными. Он поднял руку — дрожащую, измазанную землёй и ржавчиной — и тоже перекрестился. Неумело. Но в этом жесте не было ни стыда, ни слабости. Только тихое, измученное «спасибо». Слёзы текли по грязным щекам, но он не вытирал их.

Они постояли так ещё с минуту. Молча. Где-то далеко, за лесополосой, глухо ухнуло — то ли арта, то ли гром. Но звук этот был снаружи, и от него уже не сжималось внутри. Савельев надел каску. Поправил ремень автомата. Хотел что-то сказать, но вместо этого только сплюнул под ноги и кивнул в сторону леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.